

Юлий Айхенвальд

Полонский

Юлий Айхенвальд
Полонский

«Public Domain»

1914

Айхенвальд Ю. И.

Полонский / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1914 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-13382-2

«То поэтическое, что есть у Полонского, надо извлекать из множества строк его, которые представляют собою не поэзию, а только стихи. Писатель редких вдохновений, он был замечательно искусный версификатор, и порою для него как бы не существовали технические усилия и трудности размеров и рифмы. Непринужденно и легко, будто разговорная речь, льется у него простой, ненарядный и часто недорогой стих. Но этой способностью послушных созвучий он злоупотреблял в том отношении, что ему все равно было, какие сюжеты облекать в стихотворение, достойна ли последнего самая тема или нет, соответствует ли выбранный ритм внутренней музыке и смыслу данной пьесы: это все неважно – лишь бы стихи...»

ISBN 978-5-457-13382-2

© Айхенвальд Ю. И., 1914

© Public Domain, 1914

Юлий Исаевич Айхенвальд Полонский

То поэтическое, что есть у Полонского, надо извлекать из множества строк его, которые представляют собою не поэзию, а только стихи. Писатель редких вдохновений, он был замечательно искусный версификатор, и порою для него как бы не существовали технические усилия и трудности размеров и рифмы. Непринужденно и легко, будто разговорная речь, льется у него простой, ненарядный и часто недорогой стих. Но этой способностью послушных созвучий он злоупотреблял в том отношении, что ему все равно было, какие сюжеты облекать в стихотворение, достойна ли последнего самая тема или нет, соответствует ли выбранный ритм внутренней музыке и смыслу данной пьесы: это все неважно — лишь бы стихи. Вот почему не только отдельные его произведения (например, испорченный длиннотами «Келиот»), но и все его творчество — как-то слишком протяженно, растянуто, и вот почему ни у кого из старых наших поэтов не встречаются так часто, как у него, грубые выражения, низменные слова, которые должны бы оставаться за порогом поэзии. Уж про Полонского никак нельзя сказать, чтобы он творил торжественно и облачался для этого в какие-нибудь священнические одежды; он совсем не жрец. Напротив, на его стихотворениях лежит печать домашности, какого-то художественного неглиже, в котором он и принимает своих читателей. Оттого между ними и поэтом сразу устанавливается интимная связь, которая включает в себе и все положительные, и все отрицательные стороны человеческой близости. Полонский, как иные люди, при первой же встрече, на первых страницах своей книги производит впечатление давнишнего и доброго знакомого; с ним сразу легко, и нет обычной натянутости первого посещения. Занимательный, искренний и остроумный, поэт-собеседник, он всегда приходит к вам запросто, и вы так же приветствуете его — без тревоги, без робости перед высоким гостем. Перестаешь его стесняться, — но зато приход его не перестает ли быть и праздником? Все время, на всем протяжении его творчества, мы чувствуем происходящую в нем борьбу поэзии и прозы и замечаем, как светлые подъемы духа застилаются у него серой пеленою внутренних будней.

Эти колебания между обыденностью и высотой сказываются уже и в той отличительной и привлекательной черте Полонского, что художественное вырастает для него прямо из прозы — на глазах у читателя. Он смело и уверенно касается предметов самых реальных и житейских, и этим прикосновением, этой властью таланта, дает им непосредственно осуществляемые права на поэтичность. Он вводит в свои стихотворения какую-нибудь деталь, которая вот-вот низвергнется в прозу, — но нет: она остановилась у самого края последней и оттуда проливает на все произведение мягкий свет жизненной доступности и теплоты. У своей молоденькой соседки, которой минуло шестнадцать лет и которая от маменьки не отстаёт, он замечает не только голубенькие глазки, но и очень узенький корсет. Или он слышит, как

У башен спрашивает ночь:
Который час?
— Уже девятый, —
Звучит ей Спасская в ответ,
И ночь уходит. Ей вослед
Глядит, зардевшись, Кремль зубчатый
Сквозь призму неподвижной мглы.

Если все-таки у него много бесцветной рассудочности, то это не потому, чтобы неверна была самая эстетическая метода его или чтобы он терпел внутренне неизбежное крушение в только что указанной поэтизации обыденных деталей, а просто потому, что вообще его дарование ограничено и он не умеет до конца, до пушкинского конца, прозаическое обра-щать в прекрасное.

У него и чувство, из всего разнообразия людских эмоций, преобладает именно такое, которое не требует могучих напряжений сердца, не знает пафоса и тоже, как его поэзия, близко подходит к тишине и нетребовательности будней: муза Полонского в свои лучшие и типичные для нее минуты проникнута чарующей задушевностью и простодушием, которые в то же время порою соединены с тонким налетом юмора и шутливости. Муза его не вызы-вает поклонения и восторга; но, необычайно живая, простая, откровенная, она так симпа-тична, что с нею нельзя не подружиться.

Теплое и задушевное пронизывает в его изображении природу и жизнь, оно слышится уже в самой структуре его естественного и мелодичного стиха, в общем духе какой-то нрав-ственной убедительности, которой звучат его милые строки:

За моей стеной бездушной
Чью-то душу слышу я;
В струнных звуках чье-то сердце
Долетает до меня.

Кругом поднимаются бездушные стены жизни, и велика заслуга поэта, что за ними он чувствует живую душу, что он отзывается на чужой призыв – на этот голос поющей соседки. Полонский вообще – добрый сосед, участливый слушатель, податель живого слова. Неда-ром из его биографии мы знаем, что и фактически имел он много нравственных соседей, любил окружающих, близких, и за это многие любили его. В последние годы своей жизни старик Полонский, с пледом на больных, усталых ногах, был центром известных в Петер-бурге литературных «пятниц». Приветлива была его старость, и не был он похож на брюзг-ливую, несвежую, старую ель своего стихотворения, которая говорит о березке, одетой в зеленое платье весны: «Как она смеет шуметь!» Он любил чужой шум. Он не был уединен, и внутренний мир его был открыт и гостеприимен, – может быть, и потому отчасти, что он не был особенно глубок.

Бездушная стена жизни делает для нас близких далекими, но поэт хотел бы разбить ее. И потому в своих стихотворениях он часто рассказывает о страдании и сострадании, о жертвах и ласке, о безвременной, грустной смерти. Склоняется сестра милосердия над раненым и, новая самаритянка, в темноте барака надевает на него снятую с себя рубашку. Старая, ослепшая няня принимает и пестует своего утомленного питомца, когда он через тридцать лет вернулся домой:

И когда я лег вздремнуть,
Ты пришла меня разуть,
Как дитя свое любимое, —
Старика, в гнездо родимое
Воротившегося,
Истомившегося.

Натурщица в мастерской художника находит убежище от голода, и вот она вся озарена бесстыдным светом; ей «не стыдно, не обидно – только так, порой завидно», отчего она не бездушный, в хлебе не нуждающийся манекен.

Но нет бездушия там, где есть душа поэта, и ему, вдохновенному, когда равнодушны люди, самые камни вещают свое отзывное «аминь».

Существенно для Полонского и то, что теплоту и сердечность он вносит и в свою эротику. Если тебя, девушку с русою головкой, спросят, «с кем была ты, отвечай, что с братом». И не будет обмана в этом трогательном ответе, потому что для нашего задушевного художника братское – это главное и в любовном свидании; возлюбленная прежде всего – сестра. Когда «юноша-поэт», Надсон, «прилег и опочил среди цветущих гор и вилл», старый Полонский послал стихи на его раннюю могилу, и в них он сказал, что голос Надсона с нервной дрожью был подслушан женскою душою как голос брата. Оттого наш поэт, брат девочки и девушки, много ласки и внимания отдает любви отроческой, и в ряде пленительных стихотворений мы видим пред собою влюбленных детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.